

УДК 378.14.015.62

СЕРТИФИКАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Д. К. Стожко

Уральский государственный экономический университет

К. П. Стожко

Уральский государственный аграрный университет

Поступила в редакцию 20 февраля 2019 г.

Аннотация: в статье проанализированы характер и особенности сертификации образовательных услуг в РФ в современных условиях. Рассмотрена проблема коммерциализации процедуры сертификации и объективности современных экспертных оценок качества образовательных услуг.

Ключевые слова: качество образования, образовательная услуга, сертификация, стандарты.

Abstract: the article analyzes the nature and features of certification of educational services in Russia in modern conditions. The problem of commercialization of the certification procedure and objectivity of modern expert assessments of the quality of educational services is considered.

Key words: quality of education, educational service, certification, standards.

Вопросы сертификации образовательных услуг являются крайне актуальными. Включение России в Болонский процесс показало, что в развитии отечественного образования возник ряд серьезных проблем. Одной из них является необходимость независимой оценки качества образования. По факту, она оказалась в прямом противоречии с положениями не только Болонской, но и Сорбонской конвенции, а также других конвенций (Саламанка, 2003; Гетеборг, 2003 и др.), Пражского коммюнике, в котором была сформулирована задача разработки механизма взаимного принятия решений в области аккредитации, сертификации и оценки качества образования. В условиях сложившейся новой реальности, глобального финансово-экономического кризиса, современной жесткой и недобросовестной конкуренции в мире, использования политики санкций по отношению к отдельным странам и народам передача функций по сертификации третьим лицам (транснациональным институтам) вряд ли правомерна.

За последние годы, помимо самого Федерального закона № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу 01.01.2017), появился ряд законодательных и нормативных документов, регла-

ментирующих вопросы сертификации предоставляемых товаров и услуг как в нашей стране, так и за рубежом, а также серия публикаций по данной проблематике.

Важной характеристикой современной практики сертификации образовательных услуг является нестабильность в сфере разработки федеральных государственных образовательных стандартов, которая привела к тому, что постоянно меняются требования к качеству и порядку предоставления образовательных услуг. Многочисленные изменения стандартов стали уже нормой жизни, хотя, по большому счету, это ведет только к обострению и без того сложной ситуации в системе образования [1, с. 84–91].

Появление четвертого за последнее десятилетие поколения ФГОСов свидетельствует о том, что до сих пор нет единых представлений о том, как должно быть организовано образование, какие именно идеологические и экономические принципы следует закладывать в его основу и каким должно быть его качество. Научным сообществом признается, что «...университет становится бюрократической транснациональной корпорацией, либо связанной с транснациональными инстанциями управления, такими как Европейский Союз, либо функционирующей независимо по аналогии с транснациональными компаниями...» [2, с. 12].

При этом аналоговое «развитие» вряд ли следует называть самостоятельным.

Следует отметить, что государственное регулирование системы образования в современных условиях девальвируется многими факторами. В первую очередь, относительно низким уровнем оплаты педагогического труда, нарастающей бюрократизацией управления образованием и его коммерциализацией (негосударственным сектором образования). В частных учебных заведениях не хватает площадей для учебных аудиторий, спортивных сооружений, библиотечного фонда и ряда других показателей, которые необходимы для лицензирования и сертификации качественной образовательной деятельности.

Важнейшей проблемой здесь является дефицит штатных высококвалифицированных педагогических кадров и широкая практика использования внешних совместителей. Понятно, что это негативно сказывается на качестве образовательных услуг. А ведь развитие системы частного высшего образования – это прямое следствие Болонского процесса, к требованиям которого присоединилась наша страна.

Опасной тенденцией в работе государственных высших учебных заведений в последнее время стала также определенная девальвация принципов гуманитарности и гуманности в сфере образования, которая обусловлена многими причинами. В том числе и низким уровнем персональной ответственности руководящих работников в сфере образования за вводимые инновации и, в целом, практическим состоянием законодательства об образовании и правоприменительной практики в стране. Названные негативные процессы разворачиваются под флагом сокращения непрофильных (как правило, гуманитарных) учебных предметов, кафедр и педагогов. Это приводит к тому, что выпускники вузов просто не знают истории своей профессии (например, истории педагогики, экономики и т. д.), имеют низкий уровень IQ и слабый кругозор. Во всяком случае, результаты проводимых общероссийских тестов по конкретным гуманитарным дисциплинам выявили эту острую проблему во многих регионах РФ.

Для устранения подобных явлений как раз и необходима сертификация образовательной деятельности. Однако в практике сертификации имеются определенные недостатки.

Во-первых, далеко не полон перечень критериев понятия «образовательная услуга», подлежащий сертификации, и отнюдь не исчерпан перечень самих качественных характеристик сертификации как таковой.

Во-вторых, сами критерии осуществления сертификации и оценки качества образовательных услуг не в полной мере соответствуют объективным потребностям общества. Иллюстрацией чего является постоянный рост потребительского спроса со стороны населения на высшее экономическое образование и, при этом, неуклонное сокращение бюджетных мест на экономические специальности в стране. Коммерциализация высшего образования при этом отнюдь не является гарантией его высокого качества.

В-третьих, достаточно высока степень бюрократизации самой процедуры сертификации образовательных услуг и всей образовательной деятельности, что часто дает обратный эффект при внедрении соответствующих квалификационных требований.

В-четвертых, вызывает многочисленные вопросы «независимость» и компетентность самих «внешних экспертов», которые осуществляют такую сертификацию. В связи с этим необходимо формировать собственную систему оценки качества предоставляемых образовательных услуг, как, например, в вузах Великобритании и Ирландии [3, с. 111–113].

В-пятых, наибольшую опасность представляет коммерциализация процесса сертификации образовательных услуг, когда за определенную плату можно получить любой сертификат.

В-шестых, недостатком процесса сертификации образования является искусственная привязка этого процесса к вопросам повышения квалификации или переподготовки кадров, когда кандидаты и доктора наук оказываются заложниками ненужных ограничений и условностей.

Очевидно, что при такой ситуации сертификация может стать (и часто становится) очередным способом формализации системы образования и ее энтропии. И здесь встает вопрос о взаимном доверии (к заказчику, производителям образовательных услуг, экспертам и т. д.).

Прежняя концепция маркетинга, ориентированного на интересы самого учащегося, давно ушла в прошлое. Вместо нее декларирована концепция, ориентированная на запросы работодателя, свидетельством чего выступает показатель трудоустройства выпускников. Можно сослаться на практику создания корпоративных университетов (к примеру, Корпоративный университет Уральской горно-металлургической компании в г. Пышма Свердловской области), где платит сам заказчик. Но понятно, что вся российская система подготовки выпускников высшей школы по такому пути пойти не может. Корпоративное образование имеет свой строго определенный сегмент на рын-

ке образовательных услуг, и не более. Кроме того, работодатель не может быть единственным экспертом качества образования.

Важнейшими вопросами, которые возникают в процессе сертификации образовательной услуги в современных условиях, являются следующие:

а) кто такой сам потребитель образовательных услуг – работодатель, учащийся, чиновник, государство, общество (или все сразу);

в) кто является производителем данных услуг (сами педагоги или административные работники министерств, ведомств и вузов);

с) кто, как и когда должен оценивать качество образования в условиях формирования системы социального партнерства, на которую ориентирует действующее законодательство.

Что касается первого вопроса, то сегодня предлагается «полисемный» (от греч. *polisemia* – многозначность, неоднозначность) подход к определению потребителя образовательных услуг [4]. Но в реальной ситуации преобладает сугубо практика сертификации на основе норм государственного права [5; 6]. В связи с этим данный подход остается пока что в теории.

Второй вопрос касается производителя товара (услуги). Здесь тоже не все ясно. Известно, что часто образовательные товары (услуги) порой производятся по договору франшизы. Тем самым, производитель такой услуги (образовательной) или такого товара, к примеру, учебных курсов, оказывается всего лишь их ретранслятором.

Это важное обстоятельство, поскольку вопрос о том, кому предъявлять претензии за некачественный товар (услугу), часто обращен к субъекту репродуктивного труда, а вовсе не к его создателю.

Что касается третьего вопроса о том, кто является (и должен являться) экспертом товаров (услуг) в системе образования, то здесь крайне важным является уровень квалификации и мировоззренческих ориентаций самих экспертов, сертифицирующих те или иные товары и услуги.

Процесс сертификации регламентируется различными законодательными актами, в том числе: постановлением Госстандарта РФ от 21 сентября 1994 г. № 15 «Об утверждении Порядка проведения сертификации продукции в Российской Федерации» и Госстандартом РФ № 64 «О Номенклатуре продукции и услуг (работ), подлежащих обязательной сертификации и Номенклатуре продукции, соответствие которой может быть подтверждено декларацией о соответствии» (от 30 июня 2002 г.). Именно эти документы определяют, какие виды сертификации существуют в Российской Федерации. Однако, в связи с зако-

нодательной базой сертификации, возникает вопрос, связанный с интегрированием российских законодательных актов в сферу международного права. Например, попытки применять европейские стандарты EN45000 в области аккредитации к российским учреждениям показали, что происходит определенное их отторжение.

Отдельно следует остановиться на так называемых «эффективных контрактах», которые администрация учебных заведений рассматривает как своеобразный способ оценки качества педагогического труда – т. е. качества предоставляемых педагогами образовательных услуг. При переходе на такие контракты, по нашему мнению, и происходит деформация отношений найма в системе российского образования [7].

Важно обратить внимание и на существование серьезного антагонизма между администрацией и профессорско-преподавательским составом многих вузов. Оно обусловлено разным правовым положением двух главных категорий работников. Представители администрации на основе действующего законодательства обязывают педагогов проходить конкурсный отбор, а сами избавлены от этой процедуры. Такое неравенство оставляет большой простор для волонтаризма, коррупции и разного рода злоупотреблений с их стороны. При этом затраты на вузовский менеджмент растут, а качество образовательных услуг при этом либо снижается (что доказывает практика промежуточного и итогового тестирования и качество выпускных квалификационных работ), либо остается на прежнем уровне.

Реальной проблемой является коммерциализация процесса сертификации и наличие в системе сертификации структур, принадлежащих частным организациям. Такая коммерциализация приводит, порой, к негативным последствиям, как при сертификации услуг, так и при сертификации товаров. Ярким примером является деятельность компании «ISO», которая не проводит фактических проверок объекта сертификации, а просто выдает за деньги сертификаты.

Так, на текущий момент можно назвать несколько наиболее известных моделей сертификации образования:

– модель менеджмента качества ГОСТ ISO 2001–2015;

– модель Европейского фонда по менеджменту качества EFQM;

– модель Центра исследований политики в области высшего образования CHEPS (университет Тенде, Нидерланды);

– совместная бельгийско-нидерландская модель (HBO Expert Group) и др.

Названные модели, как и некоторые другие, характеризуются определенным несовпадением требований к качеству предоставляемых образовательных услуг, способам их предоставления и их оценке. В связи с этим все более актуальной становится проблема измеримости образовательных стандартов [8] и отход от двойных стандартов в этой области [9].

Таким образом, для дальнейшего совершенствования сертификации образовательных услуг необходимо:

- во-первых, исправить существующие серьезные недостатки, связанные с ее коммерциализацией и низким уровнем самих экспертов;
- во-вторых, четко учитывать объективные интересы государства и пересмотреть сложившееся отношение к принципам оценки качества образования, содержащимся в Болонской конвенции;
- в-третьих, разработать новую специальность «Сертификация» и начать в вузах страны подготовку по ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стожко Д. К. Историческое образование в России / Д. К. Стожко, К. П. Стожко // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 11. – С. 84–91.
2. Ридингс Б. Университет в руинах / Б. Ридингс. – Москва : Высшая школа экономики, 2010. – 304 с.
3. Комаровская Е. П. Дублинские дескрипторы в системе компетентно-ориентированного подхода в высшей школе / Е. П. Комаровская // Актуальные проблемы гуманитарных наук (психология, педагогика) : межвуз. сб. науч. работ. – Москва : РГСУ, 2011. – Вып. 11. – С. 111–113.
4. Ромат Е. В. Полисемия понятия «потребитель» в сфере защиты потребительских прав / Е. В. Ромат, В. В. Толстоног // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2014. – № 2(52). – С. 81–88.
5. Богдан В. В. Гражданско-правовое регулирование защиты прав потребителя в современной России : проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Богдан. – Курск, 2015. – 38 с.
6. Ситдикова Л. Б. Гражданско-правовой статус потребителя в сфере оказания информационных услуг / Л. Б. Ситдикова // Юридический мир. – 2010. – № 9. – С. 56–58.
7. Стожко Д. К. К вопросу о характере рынка рабочей силы в системе современного высшего образования в России / Д. К. Стожко // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 188–193.
8. Шихов Ю. А. Проблема измеримости образовательных стандартов в профессиональном образовании / Ю. А. Шихов, О. Ф. Шихова, А. А. Касаткина // Образование и наука. – 2016. – № 1(130). – С. 21–22.
9. Матова Г. Н. Двойные стандарты гарантии качества образования : Россия в Болонском процессе / Г. Н. Матова // Высшее образование в России. – 2018. – Т. 27, № 11. – С. 9–21.

Уральский государственный экономический университет

Стожко Д. К., кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии
E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Уральский государственный аграрный университет

Стожко К. П., доктор исторических наук, кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и организации предприятий
E-mail: kostskp@mail.ru

Ural State University of Economics

Stozhko D. K., PhD in Philosophy, Associate Professor of the History and Philosophy Department
E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Ural State Agrarian University

Stozhko K. P., Dr. Habil. in History, Professor, Head of the Economics and Organization of Enterprises Department
E-mail: kostskp@mail.ru